

А. В. Сушков
ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург

**«... СВЯТОТАТСТВО СОВЕРШИЛ,
ОСКОРБЛЯЯ АВТОРИТЕТ И ПРЕСТИЖ
КАБАКОВА»: «ДЕЛО» ДИРЕКТОРА
ДЕФИБРЕРНОГО ЗАВОДА
Р. Д. КРАВЧУКА. 1937 г.**

Начиная с XV съезда ВКП(б) в 1927 г. И. В. Сталин настойчиво призывал партийных чиновников к развертыванию на местах критики и самокритики, рассматривая этот политический инструментарий как мощное и действенное противоядие против коррупции¹. Сталинская директива регулярно озвучивалась на крупнейших партийных форумах, широко тиражировалась в принимаемых постановлениях и газетных публикациях. На съездах и пленумах первые секретари обкомов и крайкомов встречали указания Сталина аплодисментами, кричали из зала: «Правильно!», с высоких трибун вещали о его гениальности и прозорливости. Не составлял исключения первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б), член Центрального комитета партии Иван Дмитриевич Кабаков.

Конец 1936 – начало 1937 г. в Свердловске ознаменовались чередой громких скандалов, так или иначе связанных с критическими высказываниями в адрес членов областного и городского руководства. В центре одного такого скандала оказался директор строящегося в Свердловске небольшого завода, специализировавшегося на выпуске дефибрерных камней для целлюлозно-бумажной промышленности, Роман Давыдович Кравчук. Всесоюзную известность Кравчук приобрел благодаря своему выступлению на собрании партактива Октябрьского района Свердловска 14 января 1937 г., на повестке дня которого стоял лишь один вопрос: «Решение обкома ВКП(б) о Головине».

Двумя днями ранее ничто не предвещало разительных перемен в его жизни. Вечер вторника 12 января Кравчук посвятил культурному отдыху – посещению театра. Театр он покинул во взволнованном состоянии. Но не игра актеров поразила в тот вечер заводского директора, а новость, которую он услышал от своего коллеги-хозяйственника из Монтажтреста Перфильева. «Ты слышал, что Головин исключен из состава пленума и снят с работы председателя облисполкома?» – спросил он Кравчука. Тот не поверил собственным ушам: «Не может быть!» Перфильев сумел у кого-то раздобыть свежий номер «Уральского рабочего» и преподнес его в качестве доказательства. На второй полосе газеты были обнаружены постановления состоявшегося накануне плену-

ма Свердловского облисполкома. «За политические ошибки и преступное отношение к врагам партии и правительства снять Головина В. Ф. с работы председателя Свердловского облисполкома и вывести его из состава членов президиума и пленума облисполкома», – гласило первое постановление. Ниже публиковалось второе: «Исключить из членов пленума облисполкома как врагов партии и советской власти Марьясина, Колегаева, Тараканова, Киселева». Особенно Кравчука поразил фигурант первого постановления: председатель облисполкома, недавний член ЦИК СССР, орденноносец, награждение которого орденом Ленина он, Кравчук, вместе со всеми приветствовал в свое время. «Сейчас смотришь и не знаешь, с кем работаешь», – прокомментировал Перфильев публикацию потрясенному собеседнику².

Роман Давыдович мысленно перечислял «врагов народа», оказавшихся в президиуме облисполкома: Головин, Стриганов, Медников, Марьясин, Колегаев... «Кто же руководил президиумом облисполкома и вообще советской властью в Свердловской области?» – задавал он себе вопрос. А кто еще остался в президиуме? – Кабаков! Как он мог не увидеть врагов народа? Видимо, и Кабакова за это упущение снимут с работы.

На следующий день, придя в свой рабочий кабинет, Кравчук показал сенсационную публикацию заводскому парторгу Шмотьеву. Оба были возмущены. «Видимо, товарища Кабакова за это дело снимут», – поделился своими размышлениями директор³.

О собрании, которое круто изменит его жизнь, Р. Д. Кравчук узнал случайно, позвонив по каким-то делам в Октябрьский райком, а потому прибыл на актив с опозданием в полтора часа, когда прения по докладу первого секретаря райкома К. В. Прислонова были уже в самом разгаре. Кравчук тоже решил взять слово в прениях по докладу, которого не слышал. Слово ему предоставили.

Позднее «легендарное» высказывание Кравчука будет украшать статьи в центральной и региональной прессе, эхом разойдется по многочисленным местным конференциям и пленумам. И всякий раз слова директора дефибрерного завода о врагах народа в облисполкоме будут звучать по-новому. «Как мог Кабаков долго сидеть рядом с двурушником Головиным», – будет цитировать «Правда» выступление Кравчука. «... После ареста Головина я Кабакову не доверяю. Я считаю, что Кабаков его выдвигал, его выращивал, это есть его правая рука и я не верю, чтобы Кабаков не видел или не знал вредительской работы Головина», – предлагал членам пленума обкома свою версию выступления Кравчука исполняющий обязанности второго секретаря Свердловского горкома ВКП(б) И. А. Кормилов⁴.

Чтобы не пасть жертвой многочисленных пересказчиков, обратимся непосредственно к стенограмме собрания партийного актива Октябрьского района, где Кравчук после небольшого вступления начал откровенничать по поводу своих размышлений последних дней: «Я не слышал информации о последних событиях [в] Свердловской области, в частности относительно президиума облисполкома. Я информирован только по тем сообщениям, которые были в газете, но в то же время у меня, я должен об этом заявить, сложилось определенное мнение, я в этом убежден, что здесь не только один Головин будет участником, а есть, я склонен думать, что уважаемый товарищ Кабаков – все они в одном..., все они – члены президиума облисполкома, и как они могли пропустить такое дело? Вот Головин, Стриганов, Медников...».

Не успел Кравчук договорить, как из зала раздался гневный окрик: «Какое ты имеешь право клеветать на товарища Кабакова?» – «Разрешите мне сказать о мнении, которое у меня сложилось, – продолжил директор завода. – Я хочу сказать, что уральская троцкистская группа, которая до сегодня процветала, она разоблачена органами НКВД, новыми людьми, которых сюда прислали для разоблачения этой контрреволюционной группы». – «Что Вы хотите сказать?», – из президиума прервал Кравчука первый секретарь райкома Прислонов. – «Я хочу сказать, как могли [это] допустить все члены президиума облисполкома? Товарищ Кабаков является членом президиума облисполкома, и как могла эта группа до сих пор действовать, как до сих пор Головин не был разоблачен? Я хочу сказать, что Головин давно работает на Урале, товарищ Кабаков тоже давно работает, и поэтому я сейчас склонен..., у меня в моей башке сложилось такое впечатление, что сейчас нельзя доверять никому, что сейчас положение дел такое...».

Закончить мысль Кравчуку не дали. В зале поднялся гвалт, со своего места в президиуме соскочил первый секретарь райкома Прислонов, незадачливого оратора немедленно стащили с трибуны. Кабаковские приспешники набросились на Кравчука, отовсюду из зала раздавались крики: «Долой его с трибуны!», «Это тоже троцкистское выступление!», «Это контрреволюционная вылазка!», «Какое Вы имеете право заявлять, что ему нельзя доверять? Центральный Комитет доверил товарищу Кабакову руководить Свердловской парторганизацией!» «Да здравствует товарищ Кабаков!» – закричал Прислонов из президиума. «Да здравствует наш вождь товарищ Сталин!» – кричали в зале. Возбужденные участники партактива повскакивали с мест и принялись аплодировать вождям.

Один Кравчук стоял ошарашенный, опустив руки, и попытался покинуть сцену. «Я считаю, что у него нужно отобрать партбилет...», – крикнули из зала, и у директора, словно пойманного с поличным на ме-

сте преступления, немедленно было изъято партийное удостоверение. «Я считаю, что заявление Кравчука относительно члена ЦК партии, первого секретаря областного партийного комитета, обвиняющее его в троцкизме, ни на чем не обосновано, – перекрикивал зал Прислонов. – Я считаю это клеветническим заявлением. Я считаю заявление Кравчука на товарища Кабакова клеветническим, ложным, огульным. Я считаю совершенно неправильным обвинение, что товарищу Кабакову нельзя доверить руководить обкомом партии, неправильно его заявление о том, что никому нельзя верить. ЦК партии доверил руководство Свердловской парторганизации товарищу Кабакову, и я считаю, что мы выскажем определенное мнение о поведении Кравчука. Это клеветническое и контрреволюционное заявление. Вы пытались оклеветать лучшего борца за генеральную линию партии, враги так всегда стремятся опорочить честных, преданных генеральной линии партии людей. Я предлагаю лишить его права выступления». С места дополнили: «Надо поставить вопрос о его партийности». – «Я думаю, что актив поручит нам решить этот вопрос», – ответил Прислонов. – «Надо решить сейчас же», – не унимались в зале и поставили в вину Кравчуку, что он не аплодировал вместе со всеми Кабакову и Сталину.

Многочисленные «преступления» были налицо, и Прислонов прервал заседание для консультаций с вышестоящими инстанциями⁵.

Прислонов бросился за кулисы к телефону и связался со вторым секретарем Свердловского горкома Михаилом Васильевичем Кузнецовым, который в это время был на другом партактиве – в Сталинском районе. Районный секретарь доложил о «чрезвычайном происшествии»: «У меня на активе все было хорошо, а вот выступил Кравчук и всю красоту испортил». Получив начальственные указания, ход возобновившегося собрания актива Прислонов повернул в нужное русло: поднимавшиеся на трибуну ораторы все как один клеймили Кравчука за троцкистские контрреволюционные высказывания, называли его прогневшим и заядлым троцкистом, троцкистским последышем, призывали исключить из партии.

Тем временем к директору завода был приставлен помощник местного начальника милиции, который повсюду следовал за «провинившимся», не исключая туалет, а направленный на директорскую квартиру наряд милиции изъял хранившееся у него на законных основаниях огнестрельное оружие. Мало ли на что способен коварный, загнанный в угол враг? ⁶

Вопрос о партийности Кравчука было решено рассмотреть безотлагательно. Открывая экстренно созванное в час ночи заседание бюро Октябрьского райкома ВКП(б) К. В. Прислонов назвал высказывание

Кравчука преступлением и потребовал у него объяснений. Роман Давыдович, которого тоже вызвали на заседание, пытался изложить свою точку зрения партийным судьям, рассказать, как он после долгих размышлений об арестах Головина и других членов президиума облисполкома пришел к выводу: «Видимо и Кабакова за это допущение снимут с работы. И у меня определенно в моем мозгу сложилась такая мысль». Но при этом категорически отказывался признавать свои слова на активе троцкистскими и контрреволюционными: «Я заявляю, что никогда не был троцкистом и не буду им никогда». «Я к такому букету ярых контрреволюционеров Ивана Дмитриевича никогда не мог приклеить», – пытался он оправдываться под натиском членов бюро райкома. Но вердикт партийного «суда» был predetermined. «Есть одно предложение: исключить из партии», – прервал обсуждение Прислонов. Члены бюро послушно подняли руки⁷.

Секретарь торопился не случайно: в Свердловском горкоме с нетерпением ожидали окончания заседания районного бюро. Выписку с решением об исключении Кравчука из партии «за троцкистскую контрреволюционную клевету» срочно повезли «наверх», на рассмотрение Свердловского горкома ВКП(б). Членов бюро горкома пришлось собирать посреди ночи, как будто стряслось нечто чрезвычайное, и те единогласно проголосовали за исключение «с глубочайшим внутренним возмущением» от проступка Кравчука, что он «... святотатство совершил, оскорбляя авторитет и престиж Кабакова». В отличие от райкома, бюро горкома под председательством М. В. Кузнецова не ограничилось исключением Кравчука из партии, а заодно сняло его с работы директора завода, даже не поинтересовавшись мнением Наркомата местной промышленности РСФСР. Кузнецов дал заведующему промышленно-транспортным отделом горкома М. Н. Маргевичу три дня на то, чтобы найти и представить на утверждение новую кандидатуру директора⁸.

Выгнав Кравчука из партии, обком принялся за отстранение его от должности. Наутро на дефибрерный завод прибыл второй секретарь Октябрьского райкома В. П. Емельховский, собрал коммунистов и объявил их директора вредителем, контрреволюционером, троцкистом, оклеветавшим И. Д. Кабакова – человека, который переделал демидовский Урал. Заместителю директора было приказано занять место опального начальника: «Садись, его уже нет». Фактически так оно и было. Заведующий промышленно-транспортным отделом обкома Г. Г. Ян слал в Москву на имя республиканского наркома местной промышленности И. П. Жукова телеграмму за телеграммой с требованием снять Кравчука с работы. На завод с целью обследования работы директора стали прибывать одна комиссия за другой⁹.

Роман Давыдович решил не сдаваться. С жалобой на действия местных парторганов он обратился к областному уполномоченному Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) К. И. Бухарину. Но в комиссии явно не спешили разбираться с его делом: охотников действовать открыто против «вождя уральских большевиков» (а надо быть наивным, чтобы не понимать, кто стоял за преследованиями Кравчука) не находилось. Предшественник Бухарина Л. А. Папардэ, у которого не сложились отношения с Кабаковым, в свое время был вынужден бежать из области¹⁰.

Будущее директора завода вырисовывалось в весьма мрачных тонах, ведь из уст высокого партийного начальства он был обвинен в уголовно наказуемых деяниях – во вредительстве и в контрреволюционной клевете (т. е. в контрреволюционной деятельности). Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, если бы за Кравчука не заступилась «Правда». 13 февраля в передовой статье печатного органа ЦК ВКП(б) под заголовком «Внутрипартийная демократия» в том месте, где говорилось о запущенности в некоторых организациях партийной работы и отсутствии внутрипартийной демократии и самокритики, в качестве примера кратко излагалось «дело Кравчука». «О какой самокритике может идти речь, например, в Свердловске, когда за критику на районном активе секретаря обкома тов. Кабакова был исключен из партии тов. Кравчук! – говорилось в передовице «Правды». – Если бы даже Кравчук был неправ, а это далеко не так, то за слова – как мог Кабаков долго сидеть рядом с двурушником Головиным – никто не смеет лишать коммуниста партийного билета, а это сделал Октябрьский райком. Подхалимство пустило, видимо, в Свердловске глубокие корни»¹¹.

Кабаков вынужден был реагировать на указания из Москвы и «дать задний ход». Поспешно, уже в день выхода «Правды», было принято совместное постановление двух бюро – обкома и Свердловского горкома ВКП(б), согласно которому указание газеты было признано правильным, а исключение из партии Кравчука называлось актом зажима самокритики. Решения райкома и горкома от 14 января были отменены (т. е. Кравчук был восстановлен в партии), секретарю горкома Кузнецову было поручено доложить о передовой «Правды» и последующем решении бюро обкома и горкома на всех районных и городской партконференциях. Всем парторганизациям области, включая первичные, предписывалось обсудить передовую статью, «извлечь все необходимые выводы и уроки из передовой “Правды” и развернуть большевистскую самокритику, невзирая на лица, беспощадно борясь против всякого проявления подхалимства и угодничества». Передовая «Правды» и постановление бюро обкома и горкома были растиражированы в «Уральском рабочем» и других газетах области¹².

Формально справедливость была восстановлена. А фактически?

Изо дня в день Кравчук звонил либо заходил в Октябрьский райком за партбилетом, но районные чиновники, заручившись поддержкой второго секретаря обкома К. Ф. Пшеницына (фактически кабаковский заместитель в обкоме), в течение почти полутора месяцев отделялись от назойливого посетителя обещаниями, своим хамским поведением демонстрировали, что Москва им не в указ. А когда Кравчук попросил выдать ему пропуск на городской партийный актив, то в ответ от того же секретаря райкома Емельховского услышал: «Актив – исключительно партийных работников, а Вы – работник административно-советский»¹³.

Второй секретарь горкома М. В. Кузнецов тоже не спешил с выполнением постановления бюро обкома и горкома партии. На партконференции Октябрьского района он хоть и появился, но не выступал. На конференции в Сталинском районе вышел на трибуну, проговорил около часа, но ни словом не обмолвился о «деле Кравчука». На Ленинской райпартконференции говорил о постановлении, но в таких выражениях, что делегаты так и не поняли, кто же был виноват: то ли горком, то ли Кравчук. И только после очередного гневного окрика «Правды» – статьи «Свердловский горком “извлекает уроки”», Кузнецов вышел на трибуну городского партактива и нехотя заговорил об этом «деле», правда, ограничился лишь парой общих фраз, не вдаваясь в подробности, объяснив свое невыполнение постановления бюро обкома и горкома попыткой защитить честь мундира¹⁴.

Партбилет Кравчуку вернули лишь 21 марта, когда партактив был уже в самом разгаре. На следующий день у него хватило смелости не только приехать на собрание в «Деловой клуб» на К. Либкнехта и предстать перед глазами вершителей его судьбы, но подняться на трибуну, чтобы в присутствии самого «вождя уральских большевиков» поведать о своих мытарствах.

Настроение «вождя» и без Кравчука было неважным. Не так давно Кабаков вернулся с февральско-мартовского пленума ЦК, где он, «главный инженер-строитель социалистического Урала», был подвергнут персональной критике в заключительном слове секретаря ЦК А. А. Жданова (и это было опубликовано в «Правде»!), а во время выступления его не раз перебивал Сталин, вставляя то одно, то другое ехидное замечание, вызывавшее хохот в зале¹⁵. Вторая критическая статья в «Правде» в адрес Свердловского горкома, посвященная «делу Кравчука», появилась в самый неподходящий момент – как раз накануне этого выступления Кабакова.

И вот на трибуну поднялся ненавистный директор дефибрерного завода и принялся подробно рассказывать о своем выступлении на рай-

партактиве, реакции секретарей райкома Прислонова и Емельховского, как даже после передовой «Правды» и решения бюро обкома ему долго не выдавали партбилет. Мало того, комментируя выступление Емельховского перед парторганизацией дефибрерного завода, Кравчук и вовсе позволил себе очередную крамолу: «Конечно, Иван Дмитриевич Кабаков – руководитель, но он сам не переделал Урал, а переделала партия, переделал рабочий класс и крестьянство, возглавляемое партией, а он только продвигал все мероприятия через обком партии и так далее»¹⁶.

Кабаков сдержатъ свои эмоции не смог. Вместо того чтобы еще раз признать действия по отношению к Кравчуку незаконными, противоречащими установкам Сталина, он принялся из президиума перебивать выступавшего, и, в конце концов, обвинил его в срыве строительства завода. Происходило это на глазах у всего городского начальства, спустя лишь день после доклада Кабакова на том же собрании, в котором местный вождь цитировал Сталина: «самокритика является душой большевистского дела, методом воспитания большевистских кадров», во всеуслышание заявлял, что исключение Кравчука из партии есть яркое проявление подхалимства и угодничества, и что подобные явления необходимо выжигать, уничтожать в самом зародыше, безжалостно разоблачать¹⁷.

На следующий день после выступления Кравчука Кабаков демонстративно не поехал на заседание актива. Невзирая на указания Москвы, областной вождь задался целью во что бы то ни стало уничтожить строптивного директора. Для начала обкому удалось договориться с наркомом Жуковым о проверке финансовой деятельности дефибрерного завода. С этой миссией из наркомата в Свердловск прибыл ревизор Пугач, а в помощь ему обком приставил членов ВКП(б) Бурму и Мезенцева, которых ранее, до публикации в «Правде» о «деле Кравчука», намечали на кресла соответственно директора и заместителя директора завода.

Вот только Кабакову на этот раз не суждено было испытать радость от отщепенца, из него самого в НКВД вскоре стали выбивать нужные показания. Но инициированное им «дело» продолжало раскручиваться. Интересно отметить, что «копали» под Кравчука как раз в то самое время, когда его фамилия звучала на многочисленных партийных собраниях, а связанная с ним история преподносилась как яркий пример «зажима самокритики».

Проверяющим удалось в конечном итоге «накопать» требуемый документальный материал, достаточный для уничтожения Кравчука: приказом наркома он был снят с директорского поста, позднее исключен из партии, почти два года находился под арестом. В основу дела были положены обвинения в незаконном получении средств на лечение и путевок

в санатории и в выпуске заводом некачественной продукции. В 1939-м Кравчука освободили из-под стражи, восстановили в партии, и он выехал в Ленинград, к месту жительства его семьи¹⁸. К тому времени в кровавой энкавэдэшной мясорубке уже давно сгнули все его обидчики – как местные свердловские начальники, так и республиканский нарком Жуков.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что на словах И. Д. Кабаков выставлял себя активным сторонником сталинского курса и прекрасно знал, что можно и нужно говорить на публику, в официальных выступлениях стремился ссылаться на Сталина. Но слова Ивана Дмитриевича не имели ничего общего с его делами. Не случайно поэтому в политическом лексиконе 1930-х то и дело мелькало «двурушничество», под которым подразумевалось поведение того или иного человека, на словах выражавшего преданность кому-либо, но действовавшего в пользу противоположной стороны.

Примечания:

¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 10. М., 1949. С. 329–331.

² ЦДООСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 278. Л. 33–34; Постановления 9 пленума Свердловского областного исполнительного комитета, состоявшегося 11 января 1937 года // Уральский рабочий. 1937. 12 января.

³ ЦДООСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 281. Л. 41; Д. 278. Л. 31–34.

⁴ Внутрипартийная демократия // Правда. 1937. 13 февраля; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 121.

⁵ ЦДООСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 281. Л. 24, 41–44.

⁶ Там же. Л. 24–27, 38, 41; Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 132.

⁷ Там же. Ф. 154. Оп. 1. Д. 278. Л. 30–34

⁸ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 134. Л. 160, 173; Д. 154. Л. 131–133; Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 121–122.

⁹ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 133, 144; Д. 105. Л. 173; Ф. 10. Оп. 4. Д. 2919. Л. 8.

¹⁰ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 133–134; Д. 104. Л. 167.

¹¹ Внутрипартийная демократия // Правда. 1937. 13 февраля.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 44. Л. 11; Внутрипартийная демократия // Уральский рабочий. 1937. 14 февраля; Внутрипартийная демократия // Тагильский рабочий. 1937. 16 февраля; Постановление бюро Свердловского обкома ВКП(б) и бюро Свердловского горкома ВКП(б) по передовой «Правды» от 13 февраля «Внутрипартийная демократия» // Уральский рабочий. 1937. 14 февраля.

¹³ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 130; Д. 105. Л. 172–173.

¹⁴ Кругов М. Свердловский горком «извлекает уроки» // Правда. 1937. 3 марта; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 187; Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 178–179.

¹⁵ Заключительное слово тов. Жданова на пленуме ЦК ВКП(б) 27 февраля 1937 года // Правда. 1937. 11 марта; Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 14–15.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 154. Л. 130–133.

¹⁷ Там же. Л. 134–135; Собрание актива Свердловской городской организации ВКП(б) // Уральский рабочий. 1937. 28 марта.

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 2919. Л. 1–6, 8 об.–13; Собрание актива партийной организации Свердловска // Правда. 1937. 28 марта.